

включали их счисление по табуированной системе счета, подобно счислению девятками скота или "дымниками" населения. Система "двойного" счета, характерная для российской действительности в 1840–1850-х годах, когда калмыки активно вовлекались в систему денежного обращения (в том числе по причине пересчета покибиточного налога), заняла собственную нишу в системе традиционной калмыцкой культуры табуации, обретая в народном сознании свойства этнического маркера культуры.

Примечание

¹ Информация получена от Шонхоровой Цаган-Халги Бадмаевны, 1920 г.р., калмычки, хосудки (*бага хошуда*) в 1998 г.

Литература

- Бакаева* 1997 – *Бакаева Э.П.* К вопросу об особенностях лунно-солнечного календаря у калмыков // *Степь и Кавказ (культурные традиции)*: Тр. Гос. Истор. музея. Вып. 97. М.: ГИМ, 1997. С. 93–99.
- Батмаев* 2002 – *Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002.
- Джалаев* 1992 – *Джалин Аркадь.* Уурмг монгнэ то хальмгар // *Хальмг унн.* 4.01.1992 (на монг. яз.).
- Друян* 1941 – *Друян А.Д.* Очерки по истории денежного обращения России в XIX в. [М.], 1941.
- КРС* 1977 – *Калмыцко-русский словарь.* М.: Русский язык, 1977.
- Очерки* 1967 – *Очерки истории Калмыцкой АССР.* М.: Наука, 1967.
- Семь звезд* 2004 – *Семь звезд.* Калмыцкие легенды и предания. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2004.
- Шницер* 1715 – *Шницер Ю.Х.* Известие об аюкских калмыках // Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Р. II. Оп. 1. № 92.

ЭО, 2009 г., № 2

© С.П. Тюхтенева

ДЕНЬГИ – БУМАГА, ЧЕЛОВЕК – ЗОЛОТО

Поговорка, использованная в названии статьи, имеет второй вариант: "Деньги – листья бадана, человек – золото" (*Акча – кылбыш, кижги – алтын*). Эти поговорки алтайцы используют в тех ситуациях, когда возникает некое спорное обстоятельство, связанное с деньгами или иными материальными предметами, потенциально могущими привести к межличностному или межсемейному конфликту. Тот человек, который в данном случае понес ущерб, осознавая конфликтогенность ситуации, принимает решение о прощении долга. Употребив вынесенную в заголовок поговорку, кредитор заявляет тем самым, что ценность человека и человеческих взаимоотношений с должником дороже, чем деньги, сравнивая их с баданом, сухие листья которого рассыпаются при малейшем прикосновении или просто с куском бумаги.

Второй компонент поговорки – "человек – золото" – позволяет интерпретировать заключенный в нем смысл таким образом: золото дороже денег, поскольку менее подвержено скорой утрате потребительской стоимости в силу того, что это металл, а не бумага или засохшее растение. А человек дороже золота, поскольку родить и вырастить его стоит больших трудов, чем найти золото.

В культуре алтайцев есть целый ряд идиоматических выражений, связанных с понятиями "дороговизна" и "дешевизна". Самое дорогое приобретение, к примеру, оценивается как стоящее столько же, сколько верблюд или лошадь (*möö baalu/lam baalu*). Самое дешевое, как не имеющее цены, – *баа жок*.

Традиция измерения стоимости, цены, богатства, бедности и другого основана на сформировавшемся издревле скотоводстве как ведущей жизнеобеспечивающей отрасли алтайцев. Собственно деньги, прежде всего бумажные, все еще предстают как культурная новация, не освященная пылью веков, но уже вполне освоенная и введенная в обычай/традицию.

Исторический аспект

Издавна известные в культуре алтайцев деньги – это прежде всего примитивные, "ракушечные" деньги. Раковины каури, называемые по-алтайски *ыламаши* (ылан + баш) ("змеи голова"), до сего дня используются как наконечники женские украшения и как обереги для детей, аналогично тому, как копейки использовались в монастырях у башкир и татар.

Использование раковин каури в качестве денег длительное время сосуществовало с обращением монет тех государств, в состав которых входили предки нынешних алтайцев. Горный Алтай, место сложения собственно алтайского народа, всегда был периферией, далекой от больших городов, рынков и торговых путей. Поэтому длительное время прямой обмен, очевидно, играл здесь большую роль, чем торговля.

Тем не менее в археологических памятниках на территории Алтая – курганах, относящихся ко времени существования тюркских каганатов (VII–IX вв. н.э.) – встречаются золотые и серебряные деньги: китайская монета династии младшей Хань (25–265 гг.), тюркешская монета, античные и византийские монеты (Лотанов 1953: 89). Деньги, как всеобщий эквивалент в форме слитков и монет, могли войти в обращение и вытеснить ракушечные деньги с периода установления регулярных торговых сношений стран Юго-Восточной и Средней Азии со странами Ближнего Востока и Запада.

При Галдан хане (1671–1697) Джунгарское ханство, в состав которого входили предки алтайцев с середины XV до середины XVIII в., чеканило собственную монету из красной меди, круглую, с клеймом и с надписями на монгольском языке (Там же: 114).

После принятия российского подданства (1756 г.) у алтайцев на протяжении XVIII – начала XX в. средством для торговли и обмена служили шкурки пушных зверей, на языке того времени называемые "мягкой рухлядью".

Несмотря на хождение различных монет разных государств, наряду с деньгами в виде монет, а то и как универсальное средство, долгое время денежным эквивалентом служили шкурки белок и соболей.

Более того, следует заметить, что деньги могли весь указанный период – издревле до начала Великой Отечественной войны – обращаться в социально ограниченной, имущей среде общества. Для большей части населения Алтая всеобщим эквивалентом преимущественно оставались скот при внутреннем экономическом взаимодействии (обмен, помощь, калым и пр.) и шкурки пушных зверей при внешних сношениях (дань, торговля, ясак).

Практически до начала XX в. алтайцы выплачивали мехами *ясак* в российскую императорскую казну и *албан* в казну джунгарского Бошокту хана, а позже Китая, согласно принятому 26 сентября 1826 г. положению Сибирского комитета "О порядке поступления от инородцев западной Сибири звериных шкур в ясак по цене, существующей во время приема в вольной продаже" (Там же: 185). Ярмарки, возникшие в процессе приграничных алтайско-монгольско-русских торгово-экономических отношений, использовали в качестве всеобщего эквивалента шкурки белок. Об этом писали

члены Алтайской духовной миссии, служившие в Благовещенском монастыре в Чульшманской долине: "каждая вещь, как и всякое животное – корова, лошадь и самый пушной зверь, медведь, лисица – оценено белками" (Там же: 194). В Чуйской долине в качестве эквивалента при меновой торговле между русскими купцами и алтайцами-теленгитами использовали годовалого барана: «За два бумажных пестрых платка, например, он берет двухгодовалого барана. Денежная единица – "токтун" (годовалый баран) – равняется рублю» (Калачев 1896: 486–487).

Как всякое нововведение, бумажные деньги долго вызывали недоверие у народа, как это происходило и в Европе нового времени (Бродель 1986), что особенно ярко проявилось в ходе бурханистского движения 1904–1905 гг. Чот Челпанов, главный служитель бурханистского культа, призывал: "У кого есть русские деньги, расходуйте их скорее на покупку пороха, свинца, товара..." (Анохин 1927: 167). Причина этого, по мнению барона Бруннова, заключалась в том, что "наши бумажные деньги не принимаются простым населением Монголии, которые знают только русскую металлическую валюту. Чот поэтому изъясил из обращения бумажные деньги" (Потапов 1953: 344–345, сноска 2). В начале июня 1904 г. "в течение целой недели алтайцы наводняли русские села, сбывая в лавки русские деньги, как свои, так и главным образом полученные от баев" значительные, до 6000 руб., суммы. Собравшимся на бурханистское моление (около 4 тыс. человек) было сказано, что в обращение будут введены новые деньги – китайские серебряные монеты с изображением дракона (Там же: 345).

Собственно деньги в виде бумажных купюр и металлических монет вошли в широкое обращение среди всех групп населения Алтая только после установления советской власти и относительной экономической стабилизации в конце 1930-х годов. Однако подлинно массовое обращение денег у алтайцев началось после восстановления экономики СССР, разрушенной в ходе Великой Отечественной войны. С 1960-х годов колхозникам вместо сельскохозяйственной продукции стали выплачивать за трудодни заработную плату деньгами.

Вместе с деньгами продолжают сосуществовать и квазиденьги. Это, к примеру, "тетрадные" деньги. С советских времен и до сего дня в сельских магазинах практикуется продажа продуктов и предметов первой необходимости в долг, записываемый в тетрадь. У каждого владельца магазина и его продавцов есть определенный виртуальный список тех, кому можно давать в долг, а кому – нет. Как правило, они предпочитают кредитовать пенсионеров, а также тех, кто получает различные пособия – в начале каждого месяца вместе с получателями пенсий или пособий в очереди на почте или в сельской администрации стоят продавцы. Охотно кредитуют в магазинах – сельских и городских – тех, кто рассчитывается раз в год: осенью – деньгами, вырученными за проданные скот или продукцию промыслов. Суммы долга пенсионеров, в отличие от долгов промысловиков и скотоводов, невелики: от 500 до 2 тыс. руб. у первых и 5–10 тыс. у последних (ПМА).

И, наконец, еще один немаловажный факт. Если в советское время и до середины 1990-х годов в селах вместо денег можно было (предпочтительно) рассчитываться за оказанную услугу "поллитрой" водки, то сейчас – только деньгами. Существуют вполне определенные тарифы на определенные услуги. Так, услуга одного косаря для ручного кошения сена оценивается в 400 руб., посадить/выкопать картофель – 200 руб. (ПМА).

Этнографический аспект

Социально-экономическая функция денег в культуре алтайцев мало чем отличается от таковой у любого другого народа. Это прежде всего средство платежа за товары и услуги. Многочисленные денежные реформы советской и постсоветской истории приучили население страны не рассматривать деньги как объект тезаврации. Тем не

менее, несмотря на это, в силу объективного характера деньги, как один из инструментов для достижения различных целей жизнедеятельности и жизнеобеспечения, являются определенной ценностью.

Именно в том, каким образом структурируются взаимоотношения людей на основе обмена деньгами, каково отношение к ним в культуре, заключаются этнокультурная функция, ценность и символ денег.

В алтайском языке слово *бай* имеет значение не только "богач/богатый", "обильный", но и "запрет", "сакральность/сакральный", "заповедный". К концу XX в. указанное слово стали употреблять как синоним слова *акчалу* ("имеющий много денег", "денежный").

В отличие от богатства в виде скота ("чистое" богатство) богатство как обладание значительными денежными суммами не является общепризнанным. Иметь большое количество денег означает опасность быть "захваченным черными силами денег" (*акчанын каразына алдыртар*).

Кроме того, деньги имеют свойство не задерживаться в руках их обладателя в силу того, что каждый человек, независимо от степени благосостояния, вынужден ежедневно тратить их на те или иные необходимые для жизнеобеспечения товары. Таким образом, им присуща временность как одна из главных характеристик – сегодня они есть, а завтра их может не быть. Обладатель денег может быть признан богатым лишь тогда, когда владеет ими постоянно и в большом количестве. Следовательно, относить деньги к категории богатства возможно лишь условно. Этим, вероятно, объясняется двойственность отношения многих алтайцев к деньгам.

Деньги могут быть "чистыми" или "грязными" в зависимости от того, каким образом они попали в карман их обладателя. Необходимость денег как инструмента для поддержания нормальной жизнедеятельности признается всеми алтайцами. Однако, по существу по сей день мифологическим представлениям, деньги были созданы Эрлик-ханом – судьей и владыкой иного мира. В момент создания им было предопределено быть недостаточными – человеку всегда должно недоставать денег. Они приносят богатство и благополучие тогда, когда заработаны соленым потом. Соль как продукт, относящийся к категории *ачу* (досл. "горький"; к той же категории относятся алкоголь и табак), вероятно, согласно тем же представлениям, служит очищению денег от скверны. "Чистые" деньги – заработанные собственным трудом, вырученные за проданный или сданный на мясо скот; за проданные кедровый орех, пушнину и другую промысловую продукцию; заработная плата или подарок. "Грязными" признаются деньги, доставшиеся в результате кражи, грабежа, случайной находки или выигрыша в лотерее. Таким образом, это деньги, полученные случайно или не одобряемым обществом путем. «Легко доставшиеся деньги вынудят их обладателя потеть, мучиться. Из-за таких денег человек попадет в неловкую ситуацию (букв. деньги "уронят в стыд")»¹.

К той же категории "грязных" относят деньги, заработанные на службе по контракту в "горячих" точках. Здесь под "грязью" подразумеваются кровь и горе тех людей, с которыми мог воевать контрактник. Отношение солдат к заработанным подобным образом деньгам проявляется в явном небрежении ими – трате их на спиртное, которым угощают всех, раздавая и теряя их. Так же относятся контрактники к приобретенному имуществу – разбивая, к примеру, в течение недели машину, и т.д. (ПМА).

Богатство означает традиционный набор материальных ценностей, главный в котором – "белый" скот (*ак мал*)². В эту категорию входят лошади и овцы. Богат, следовательно, человек, имеющий достаточно лошадей и овец. Численное выражение такого богатства определить сложно, так как алтайцы считают невозможным называть точное количество скота. В этом запрете виден отголосок архаических магических воззрений – счет означает конечность и исчерпаемость. На прямой вопрос о количе-

стве скота обычно дают уклончивый ответ: две-три коровы, пять–десять овец, одна-две/десять–двадцать лошадей (ПМА).

В эпосе – наиболее архаичном виде фольклора – слов, означающих "деньги" (*акча*), серебро и золото в современном их понимании, нет. Богатырь-победитель уводит подданных и скот побежденного противника.

Интересно отметить, что овца (*кой*) и сегодня выступает в качестве мерила стоимости того или иного предмета. Телевизор стоимостью 5 тыс. руб., к примеру, может быть "оценен" равным стоимости пяти овец (при цене оптовой закупки 1 тыс. руб. за годовалого барана) или двух баранов (при розничной продаже "на шашлык" по ценам осени 2007 г.). Предмет длительного пользования, "стоящий" от одной до пяти овец, не считается дорогим. Обычно, когда речь идет о приобретении такого рода товаров, говорят: "*Канча јаан неме ол, эки де (беи те) койдын баазына турбас*" ("Нисколько не дорога эта вещь, не стоит больше, чем две (пять) овцы").

Потеря денег в результате кражи, оставления где-нибудь по забывчивости и т.д. воспринимается как плата за отведение судьбой какого-либо несчастья. Из-за этих денег горевать не принято, говорят: "*Барган неме барган ла, акчанан чыккан кижги бар ба*" ("Ушедшее – ушло, есть ли какой-нибудь человек, который навсегда остался бы без денег") (букв. *акчанан чыккан* – "вышедший из денег").

Деньгами принято одарять новорожденного – это своеобразная плата за возможность взглянуть на ребенка. Младенцу, у которого режутся зубки, следует подарить монету белого цвета – чтобы зубы были белы и крепки. Будучи в гостях у семьи с детьми дошкольного и школьного возраста, им дарят деньги "на мороженое" (обычно от 5 до 50 руб.), вне зависимости от принесенных подарков. Деньгами (как правило, 100–1000 руб.) одаряют всех где-либо обучающихся любого возраста – школьников, студентов, аспирантов, курсантов – "на дорогу", "на обед в дороге", не только родственников, но и просто соседей или односельчан. Бабушки и дедушки, получив пенсии, некоторую часть денег зачастую раздают внукам и правнукам – "на конфеты, мороженое" (1, 2, 5, 10 руб.) и т.д.

Эти ситуации аналогичны дарению ребенку скота (а также ножа, ружья – мальчику, бытовой техники – девочке) при его рождении, проведении первого дня рождения по исполнению года. Суть обычая дарения денег состоит, очевидно, в наделении ребенка собственностью, а по большому счету – *долей*. Дарение денег "на дорогу" связано с представлением о судьбе как о дороге, пути. Слово *јол* в современном алтайском языке означает "путь", "дорога". Однако, имея в виду суть следующих выражений, *јолы келижер кижги/јолы келишпес кижги* ("человек, которому всегда везет/не везет в дороге"), *јол јок* ("не имеющий дороги/пути"), *јолы ачык/јабык* ("имеющий открытую/закрытую дорогу"), можно сделать вывод о том, что речь идет именно о судьбе человека. Тесная взаимосвязь понятий "судьба" и "путь/дорога" проистекает и из словосочетания *ат-јол*, означающего "имя".

Дарение денег помимо магического значения играет и социальную роль – это способ поддержания сетевых (семейных, родственных, соседских, рабочих и пр.) связей. Подобное значение имеет и безвозмездная помощь в размере от 100 до 10 тыс. руб. на свадьбу, похороны, дальнюю поездку, на лечение, при поездке к сыну в армию, при поступлении в вуз, покупке жилья. Помощь деньгами в указанных ситуациях подразумевает ожидание ответной помощи, взаимовыручки. Это не означает, однако, что от того, кому оказали помощь, например, дав 1 тыс. руб., ожидают эквивалентной ответной суммы денег. Ответная помощь может быть оказана любым доступным способом: физической помощью при строительстве дома, на сенокосе и пр. По сути, это взаимоотношения, построенные на обмене всем тем, что составляет инструменты и механизмы жизнедеятельности.

Примерно с 1970-х годов "серебряные" монетки было принято бросать в родники (*кара суу*) и целебные источники (*аржаан суу*) (алтайцы различают девять видов во-

ды). Как правило, большое количество советских монет достоинством 1, 10, 15, 20 коп. и 1 руб. можно было видеть на дне родников, текущих перед перевалом или на нем. Возле целебных источников, помимо монет, встречались бумажные деньги достоинством от 1 до 50 руб., наколотые на ветки кустов, растущих рядом.

Традиционно духам-хозяикам обычных родников и небольших рек, которые представлялись в образе девушек и женщин, жертвовали бусины, в их отсутствие – пуговицы. Духам-хозяевам целебных источников также подносились бусы, серьги, перламутровые пуговицы, жертвенные ленты из полосок ткани (*жалама* или *кыйра*). Подношения совершались тем родникам, из которых местные жители брали питьевую воду; а также целебным источникам – в случае посещения их, рекам – если через них пролегала дорога. Точно так же жертвовать монету духу-хозяину перевала при отсутствии возможности поднести кусочки пищи предлагали мне мои информанты в 1980–1990-е годы.

В ходе полевых исследований 2007 г. выяснилось, что *знающие* люди из Онгудайского р-на категорически запрещают класть деньги в любой источник, считая этот ритуал *загрязняющим* воду. По объяснению моих собеседников, деньги в виде монет и купюр не являются традиционным предметом материальной культуры алтайцев; в количестве, достаточном для подношения духам-хозяевам природных объектов, они появились совсем недавно и потому не могут выступать в качестве эквивалента "белой" пищи (молоко и продукты из него), белых тканевых лент, волос из гривы коня и иных, сакрально *чистых* вещей³.

Можно ли считать в свете изложенного выше дарение денег кому- или чему-нибудь жертвоприношением? Для периода с 1970-х до конца 1990-х годов, вероятно, можно. В то время деньги использовались взамен предметов, сакрализованных традицией в качестве жертвы. Это была пища и напитки из алтайской народной кухни: молоко, чай без соли, кумыс, сквашенный напиток из коровьего молока *чеген*, хлебцы *боорсок* и лепешки *теертпек*, *отпюк* из пресной муки, ячменное или пшеничное толокно *талкан*, топленое масло; а также ленточки из белого ситца, волос из конской гривы, весной и ранним летом – цветы белого, желтого и синего цвета. Необходимость замены этих продуктов и вещей, очевидно, была вызвана возможностью незаметно для окружающих пожертвовать монетки, если учесть ведущуюся в то время борьбу с религиозностью и суевериями.

Кроме того, дарение взамен скота денег детям и всем, кто не имел статуса взрослого, обеспечивающего самого себя человека, было вызвано малочисленностью частных стад колхозников и совхозных рабочих. Ныне же много алтайцев (горожан и жителей районных центров), у которых вовсе нет скота. Эквивалентность и взаимозаменяемость денег и скота в этом случае выступает как узаконенная культурой норма.

С начала 2000-х годов вместе со стабилизацией экономики и увеличением частного поголовья скота, возобновлением обыкновения готовить блюда традиционной кухни, отсутствием государственной идеологической "цензуры" за отправлением культа стало возможным взаимодействовать с духами-хозяевами природы открыто, поднося им традиционную жертву.

И самое важное – в отличие от советского времени, когда практически все зарабатывали деньги легально (как с точки зрения законодательства, так и с мировоззренческой точки зрения) – "потом и кровью", сегодня ситуация изменилась. Категорический запрет жертвовать природным культовым объектам деньги вызван, очевидно, тем обстоятельством, что у разных людей нынче деньги тоже разные, воспринимаемые общественной моралью как *чистые* и *грязные*.

Следовательно, деньги в качестве дара/помощи одного человека другому – культурно одобряемый феномен, а деньги как жертва сакральным объектам – неодобряемый.